

K 556/43г

№ 7 ФЕВРАЛЬ МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

К Р О К О Д И Л

Дорогим именинникам!

Рис. П. Семёнова

Юбилейные даты.

Поднимается лес трепещущих рук,
Генералов немецких блещут мундиры.
Художник рисует шестнадцать штук —
Глядишь, их к утру уж двадцать четыре!
А чтобы в день юбилея всё это воспеть,
Нужно загодя сдать (печать, корректура)...
Нет, никакая литература
За славой твоей не в силах поспеть!

Дорогой юбиляр, чтобы выйти в срок,
Я побед прекращаю перечисленье.
Прими же в конце этих скромных строк
Любовь нашу жаркую и восхищенье
И знай, ведя наступательный бой,
Беря города и взрывая доты,
Что Родина вся безраздельно с тобой
Не только душою, но боевой,
Упорной и беззаветной работой.
Она с тобой к плечу плечо.
Иди же вперёд всё быстрее и смелее —
История мира не знала ещё
Такого победного юбилея!

КРОКОДИЛ

С подленьким скверно

(Выдержки из писем и показаний немецких солдат)

У ФРИЦА БЫЛА СОБАКА...

«У Иозефа Гросса была собака. Её песенка уже спета... Мы её съели».

(Из письма унтер-офицера Гуго Куне.)

«Тут, в Сталинграде, я зарезал трёх собак. Мясо вкусное. Я сварил себе сороку. Могу вам исказать, что она имеет вкус курицы — суи был такой жёлтый...»

(Из письма солдата Отто Зехтига.)

«Если мне удастся раздобыть кусочек конины, я буду безмерно счастлив...»

(Из письма ефрейтора Пауля Заама.)

КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ

«Максим Горький — это еврей, композитор, живший в Германии. Я слышал также о русской писательнице, написавшей «Анну Каренину», но забыл её фамилию...»

(Из показания пленного обер-ефрейтора Курта Магдебурга.)

Юбиляру ✓

Дорогой юбиляр! Прости меня.
Я виноват, но не мог иначе.
За месяц до нынешнего дня
Тебе я готовить приветствие начал.
Отметив точно рожденья момент,
Я начал с того, что ещё младенцем,
В пелёнках из пулемётных лент,
Впервые свёл ты «знакомство» с немцем,
Что ты богатырь из народной сказки,
Вышвырнул нечисть из нашей страны
И что драпали гады, теряя каски,
Самообладание и штаны!

Едва начинаешь рассказ про Воронеж —
Уже юбиляр овладел Тихорецком.
Тебе нипочём крутые морозы,
Ты рвёшься вперёд среди снега и льдин.
Лиман, Купянск, Золотухино, Возы,
Кущевская — только за день один!

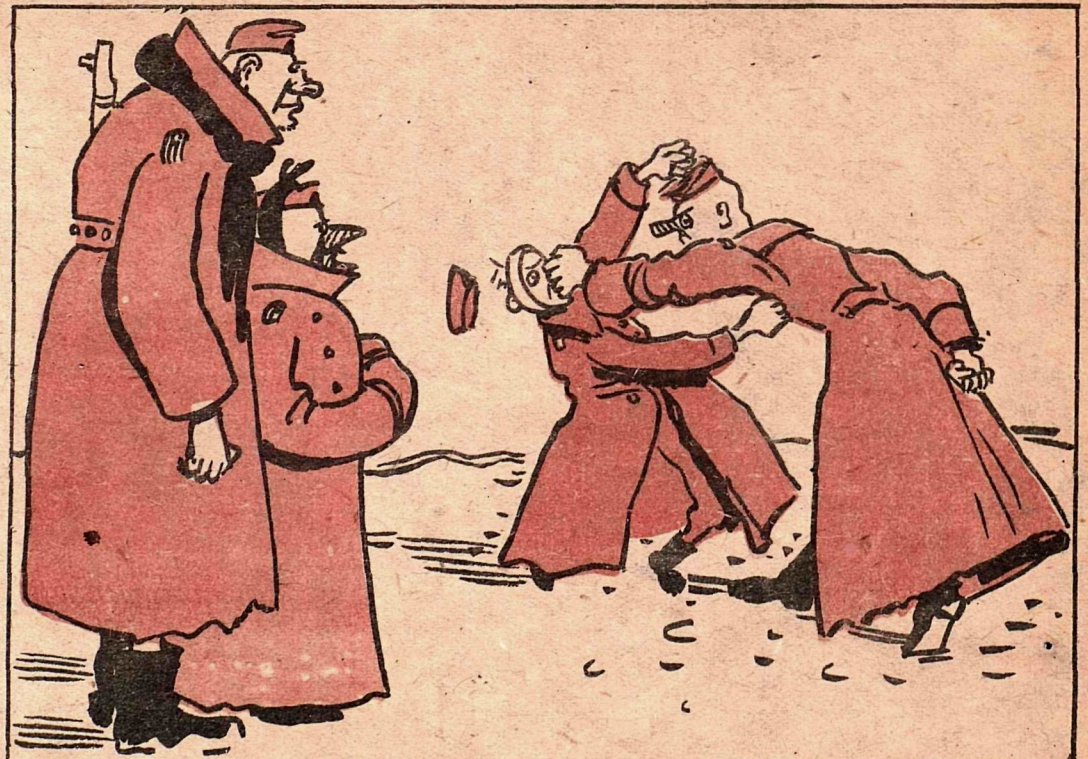
Дальше шла галерея битых рож,
Каждый в чине своём и ранге:
Колчак, Деинкин, Юденич тож
И (как явствует даже из рифмы) Врангель.
За днями день и за годом год
Вставали в памяти славные были,
И каждый твой шаг и каждый поход
Красой и величием Родины были.

Я схематизмом в рассказе грешил.
Каюсь. Виновен. Но я спешил
Вперёд и вперёд к твоим подвигам
новым,
Которыми мир восхищён и взволнован.
Спешил рассказать, как народ тобой горд,
Как наше сердце советское радо.
Спешил воспеть окружение орд
У бессмертных твердынь Сталинграда,
Победу твою у истока Невы,
Великие Луки, взятые с бою,
Освобождённый Кавказ. Но увы!
Я бессилён, и сам ты тому виною.
Ты смело, упорно и жестоко
Фашистских мерзавцев насмерть бьёшь
И в темпах ни отдыха, ни срока
Не только врагам —
друзьям не даёшь!

Сколько побед твоих новых скопляется.
Каждый вечер, после героических атак!
Совинформбюро, спасибо, справляется,
Но мне за ним не угнаться никак!
Нет-нет, а какой-нибудь пункт
проворонишь,
Из которого немец вылетел с треском.

В БЛОКИРОВАННОМ ГАРНИЗОНЕ

Рис. А. Каневского

— Почему Шамке побил морду Груберу?
— Между ними пробежала чёрная кошка. Ну, Шамке пристрелил её и сам сожрал.

С в а т

В МАЛЕНЬКОМ войсковом подразделении, о котором пойдёт речь ниже, все бойцы более или менее аккуратно получали письма из дому. Все — за исключением двух друзей-снайперов Ивана Могила и Тимофея Каблучко.

Иван Могила писем из дому не получал по той простой причине, что дом его и старики-родители остались там, на истерзанной немцами Орловщине.

Иван сильно страдал, ничего не зная о судьбе своей семьи, и это страдание удесят�еряло накал его ненависти к проклятому немцу, вставшему чёрной стеной между ним и его родной Демьяновкой.

Когда он возвращался в часть после своей охоты на фрицев и бойцы спрашивали его: «Ну как, Ваня: с уловом?» — он отвечал без тени улыбки на широком красном лице:

— Ещё на одного поближе к Демьяновке!

У Тимофея Каблучко — человека городского, уроженца большого и славного волжского города — причина неполучения писем была другая.

Это была романтическая история, о которой Тимофей распространяться не любил.

Известно было лишь одно, что, получив однажды письмо из родного города, Тимофей помрачнел, задумался и на участливые расспросы товарищей ответил кратко и точно:

— Есть, ребята, такие гадюки из женского пола, что их никакая война не исправит!.. Всё!.. Постановлено: наплевать и забыть!..

На ночь он попросился у командира в разведку, и когда на рассвете вернулся, его задевшая шинель была бурой от впитавшейся крови.

Его спросили:

— Ранен?

Он неохотно ответил:

— Немецкая!..

Каждый приход полевой почтальона в окопы и землянки подразделения был тяжёлым испытанием для обоих друзей.

Трудно смотреть на чужую радость, товарищи, когда нет своей собственной и ты не знаешь, придёт ли она к тебе когда-нибудь. Своя, кровная, тёплая!.. Вон Степан Подрягин читает письмо от сынишки. Написано оно крупными печатными буквами, и речь в нём идёт о милой детской чепухе — о сломанных салазках, о поросёнке, которого «прекратили» к празднику, о рыжем Митьке, который, черт, попржежнему дерётся больно, всё равно как фриц какой бешеный, но которого он, Васька, уже вздует наднях и тогда непременно сообщит отцу на фронт.

Читает Степан Подрягин на ледяном ветру это письмецо, и на обмороженном лице его разлито выражение блаженства, как будто он забрался на верхнюю полку в жарко натопленной бане.

А вон Петр Иванович Скуратов, мужик хозяйственный и деловой, бывший колхозный бригадир, беззвучно шевеля губами, читает письмо своей Анисьи Ивановны о том, как женщины управляют в колхозе одни и дела идут ничего. Жаловаться грех. Довольная улыбка трогает тяжёлые губы Петра Ивановича.

— Пойдём, Ваня! — вздыхает Тимофей Каблучко.

— Пойдём, Тимочка! — вторит ему Иван Могила.

И они уходят в снежную муть — белые призраки в широких маскировочных балахонах. И бойцы с сожалением глядят им вслед.

...Представьте себе теперь удивление бойцов, когда однажды полевой почтальон, сияя, как новорожденный месяц, торжественно вручил Ивану Могила сразу пять писем.

Получив письма, Иван сейчас же ушёл в землянку, очень довольный, но несколько растерянный. Всех занимал вопрос, что это за письма, откуда, от кого? Правда, что Демьяновки стало уже на 175 фрицев ближе, но всё же родина Ивана была ещё под властью немцев. Кто же мог написать Ивану Могила эти письма?..

• Всеобщее недоумение рассеял Тимофей Каблучко.

— Это я Ваньке такое соображение подал, — объяснил Тимофей. — Он по радио грохнул письмецо — по всему честному советскому миру: «Так, мол, и так, дорогие товарищи, я есть снайпер Иван Могила, каковой отправил в вышеупомянутую 175 фрицев; семья моя неизвестно — жива, нет, переписываться мне не с кем, а человеку без письма на фронте прожить никак невозможно. Потому пишите в порядке общественной поддержки, не стесняйтесь, что незнакомые, набьём немца — познакомимся. Полевая почта такая-то. Жду. С красноармейским приветом Иван Могила».

— И, смотри, написали! — одобительно сказал хозяйственный Петр Иванович Скуратов. — Душевные люди стали, понимают, что к чему.

— А ты думал — как? — горячо отозвался Степан Подрягин и засмеялся. — Вот снайпера, черти, и тут наверняка били!..

С этого дня Иван Могила стал аккуратно получать зараз по три, по четыре, а то и по шесть писем.

Ему писали из далёкого степного Казахстана, из-под Тулы, из Средней Азии, из глухих сёл Тамбовщины — всюду находились душевные люди, до сердца которых дошёл призыв незнакомого снайпера с Орловщины.

Иван Могила даже ворчать стал слегка на Тимофея Каблучко.

— Вот придумал, чорт! — сказал он как-то товарищу. — Всем же отвечать надо. Ей-богу, хоть разорвись!..

— Заелся ты, Ванька, — ответил ему Тимофей. — Ей-богу, заелся! Давай я тебе помогу — отвечу кое-кому.

— Ладно! Вот девушка одна пишет. На, почитай и ответь. Мудрёное письмо какое-то!..

Он протянул другу разорванный конверт. Тимофей взглянул на него, прочитал фамилию адресата и поблел.

— Навождение! — хрипло сказал он. — Это же она тебе написала, Ваня.

Он залпом прочитал письмо.

А в письме было написано:

«Дорогой товарищ Могила! Я слушала по радио ваше письмо и решила вам написать. Я прекрасно понимаю, что такое одиночество и как оно тягостно на фронте. У меня был друг, тоже снайпер, как и вы. Я очень виновата перед ним, хотя и не так, как он думает. Не знаю, где он сейчас и жив ли, и меня страшно мучает сознание моей вины перед ним. Напишите мне о себе, о своих боевых делах, а я вам напишу, как я работаю в тылу, что делаю для фронта. Одновременно посылаю вам посылочку. Желая вам новых боевых успехов».

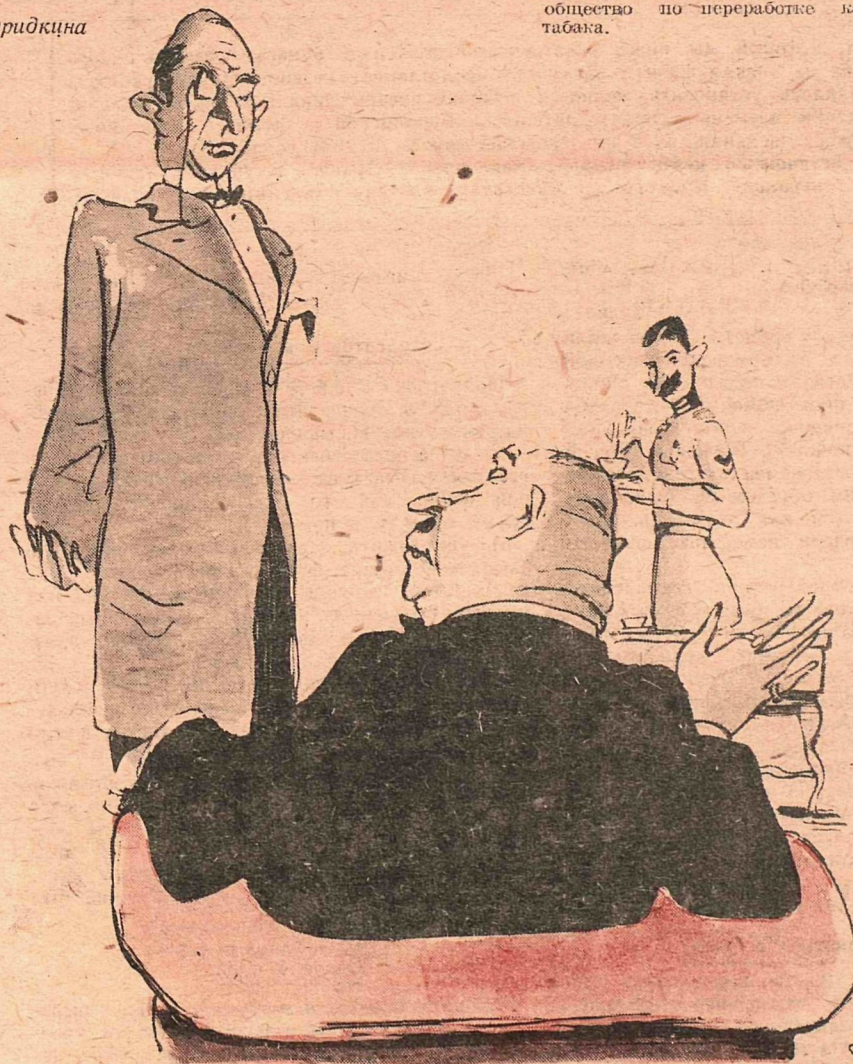
Ко всему рассказанному мне остаётся лишь добавить, что полевой почтальон теперь не обходит своим вниманием снайпера Тимофея Каблучко, а снайпера Ивана Могила бойцы почему-то зовут «сват Иван».

Л. ЛЕНЧ

ДЕЛО ТАБАК

В Германии организовано акционерное общество по переработке кавказского табака.

Рис. Б. Фридкина

— Ну и дела! Только было приготовились перерабатывать кавказский табак, как нас оттуда выкурили.

Рис. Ю. Ганфа

Парад 6-й германской армии в Сталинграде.

Проект

правил аккуратной сдачи в плен немецких генералов

Документ, который мы ниже печатаем, обнаружен в бумагах разгромленного немецкого штаба на энкамском фронте. Документ представляет незаконченную рукопись. Автором, как удалось установить, является штабной писарь Эрих Габенихтс, бывший доцент систематики племенных производителей в Берлинской академии ветеринарных наук и высшего расоведения, член гитлеровской партии с 1931 года. Рукопись, оставшаяся незавершенной, озаглавлена «Правила аккуратной сдачи в плен немецких генералов». Проекту предшествует краткая объяснительная записка.

ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ К ПРАВИЛАМ АКУРАТНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН НЕМЕЦКИХ ГЕНЕРАЛОВ

События последнего времени обнаружили существенный пробел в германской военной науке, а равно в уставах германской армии. Массовая сдача в плен немецких генералов застала нас в совершенно неподготовленном состоянии. Ибо до войны с Красной Армией случаев массовой сдачи немецких генералов не наблюдалось, и таким образом не было надлежащего опыта в этой, как оказалось, чрезвычайно важной отрасли немецкого военного искусства.

Обратившись к военной истории германского народа, а также к классическим трудам Клаузевица, Мольтке, Шлиффена и других авторитетов германского военного дела, мы не нашли руководящих указаний. Надо признать, что опытная сдача немецких генералов в плен — это то новое, что Красная Армия внесла в германскую военную науку.

Желая заполнить пробел в германской военной науке, я предлагаю к руководству нижеследующие правила аккуратной сдачи в плен немецких генералов, основанные на изучении опыта боёв в Сталинграде.

ПРАВИЛА АКУРАТНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН НЕМЕЦКИХ ГЕНЕРАЛОВ

Когда сдаваться в плен?

Вопрос о выборе подходящего срока для сдачи в плен имеет важнейшее значение. Немецкий генерал, сдавшийся в плен преждевременно, рискует попасть в изменники; сдающийся слишком поздно — рискует попасть в покойники и быть зачисленным в гитлеровские герои.

Легче всего определить подходящий момент для сдачи, когда командир Красной Армии предлагает капитуляцию. Немецкому генералу надлежит, гордо отвергнув капитуляцию, начать немедленно подготовку к сдаче в плен.

Надо помнить лишь одно: лучше поздно сдать в плен Красной Армии, чем никогда.

Подготовка к сдаче в плен.

Подготовку к сдаче в плен немецкий генерал должен производить обдуманно, тщательно, аккуратно. Надлежит:

- а) заблаговременно отправить в Германию все так называемые «организованные» в России вещи, как то: драгоценности, мебель, бельё, одежду и прочее;
- б) уничтожить все следы совершённых в Советской стране фашистских подвигов, как то: снимки виселиц с повешенными на них мирными жителями, снимки с сожжённых заживо пленных, изображения и перечень изнасилованных женщин и прочее;
- в) создать правдоподобную обстановку самоубийства, как то: положить на стол револьвер и банки с ядом; изготовление петли в углу не рекомендуется.

Можно оставить на столе недописанное письмо на родину со словами: «Приближается последний час. Я умру, Грета, с именем обожаемого фюрера на устах. Про...» В этом месте при желании можно поставить кляксу, дабы создать впечатление, что пишущий был неожиданно схвачен за руку.

Сдача в плен

Строго запрещается при сдаче в плен выражать бурную радость и благодарить тех красноармейцев, которые взяли в плен данного немецкого генерала. Немецкий генерал обязан помнить, что радость, допустимая при сдаче в плен рядового немецкого солдата или даже среднего офицерского состава, несовместима с высоким званием генерала германской армии.

С другой стороны, не рекомендуется проявлять крайнее выражение горя и скорби, восклицая, например: «Держите меня, я застре-

Генерал-фельдмаршал

по случаю победы русских в районе

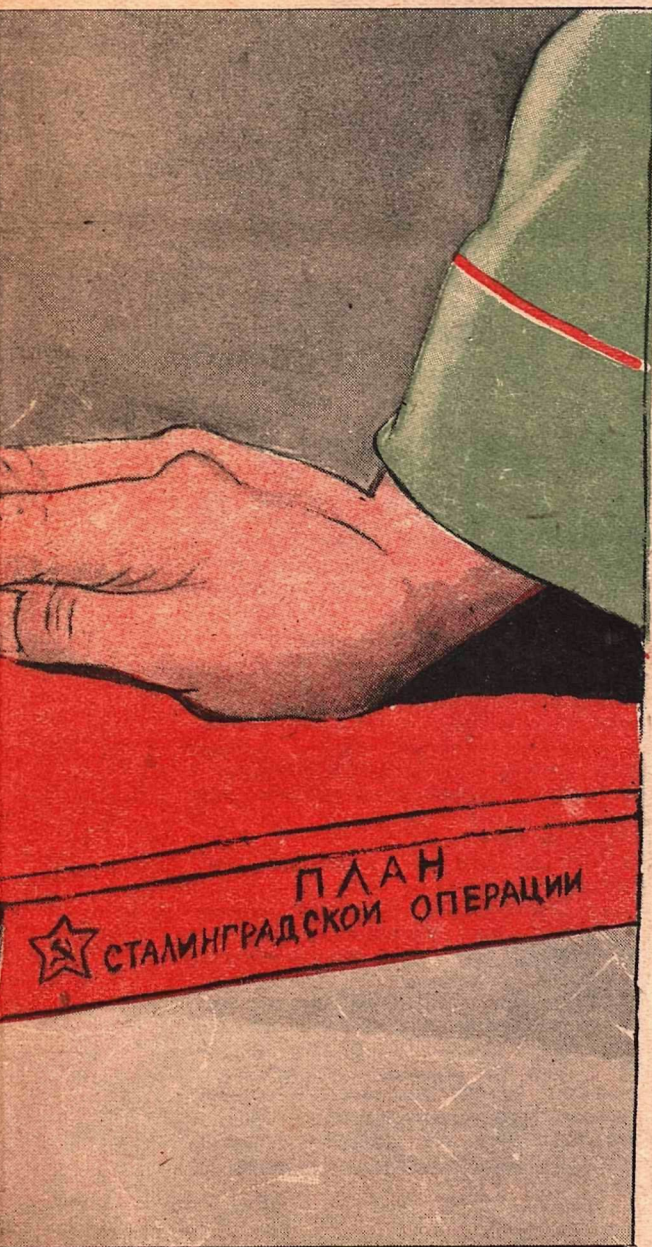

Рис. Бор. Ефимова

Лаулюс попал в историю.

лосы!» Надо иметь в виду, что русским варварам недоступны высокие чувства немецких генералов и в ответ на чувствительную скорбь они могут сказать насмешливо: «Ха-ха-ха, мы вам сочувствуем».

Посему немецким генералам при сдаче в плен надлежит соблюдать сдержанность, выражая на лице лишь строгую печаль и приличествующую обстоятельствам задумчивость.

Но если бы кто, вознамерившись выразить состояние своего позора и унижения, пожелал разодрать на себе мундир и посыпать голову пеплом, рекомендуется производить означенный разрыв только по шву, дабы затем, находясь в плену, немецкий генерал мог снова придать себе аккуратный вид в соответствии со своим званием.

Что касается посыпания головы пеплом, то, не говоря уж об устарелости этого способа выражать горе, он чрезвычайно неудобен вследствие распространённой в германской армии вшивости.

Следование в плен

Аккуратность и неукоснительное соблюдение правил уличного движения, а равно правил посадки в трамвай должны соблюдаться немецкими генералами и при массовой сдаче в

плен. Воспрещается толпиться, толкать друг друга и пробиваться с криками: «Берите меня! Я первый сдался!» Немецким генералам надлежит выстроиться в очередь и терпеливо ожидать своего часа. Сдачу в плен лучше всего производить по чинам, пропуская впереди генерал-фельдмаршалов, а равно рыцарей дубового листа.

Пребывание в плену

Находясь в плену, немецкий генерал обязан помнить, что аккуратность есть первый и святой долг немца. Потеряв честь, немецкий генерал должен держать в чистоте зубы и ногти. Посему, какова бы ни была боевая обстановка к моменту сдачи, немецкий генерал ни на минуту не должен расставаться с зубной щёткой и с принадлежностями для маникюра.

Точно так же немецкий генерал, находясь в плену, не должен расставаться с носовым платком на тот случай, ежели при встрече с немецким нижним чином он получит плевков в лицо. Аккуратно развернув носовой платок, он...

На этом заканчивается рукопись.

Перевёл с немецкого языка
Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Всё идёт как полагается ✓

С мрачной миною на физици
Гитлер бродит, удручён:
Мрут немецкие дивизии,
Их теснят со всех сторон.

Для фашизма начинается
Роковой, смертельный год.
Враг упорно отбивается,
Но кольцо за ним смыкается,—
Словом, всё, как полагается,
Очень правильно идёт.

И Орловские и Брянские
Ощетинились леса.
Там отряды партизанские
Проявляют чудеса:

Эшелон подстерегается
И пускается в расход,
Штаб с фашистами взрывается,
А отряд опять скрывается,—
Словом, всё, как полагается,
Очень правильно идёт.

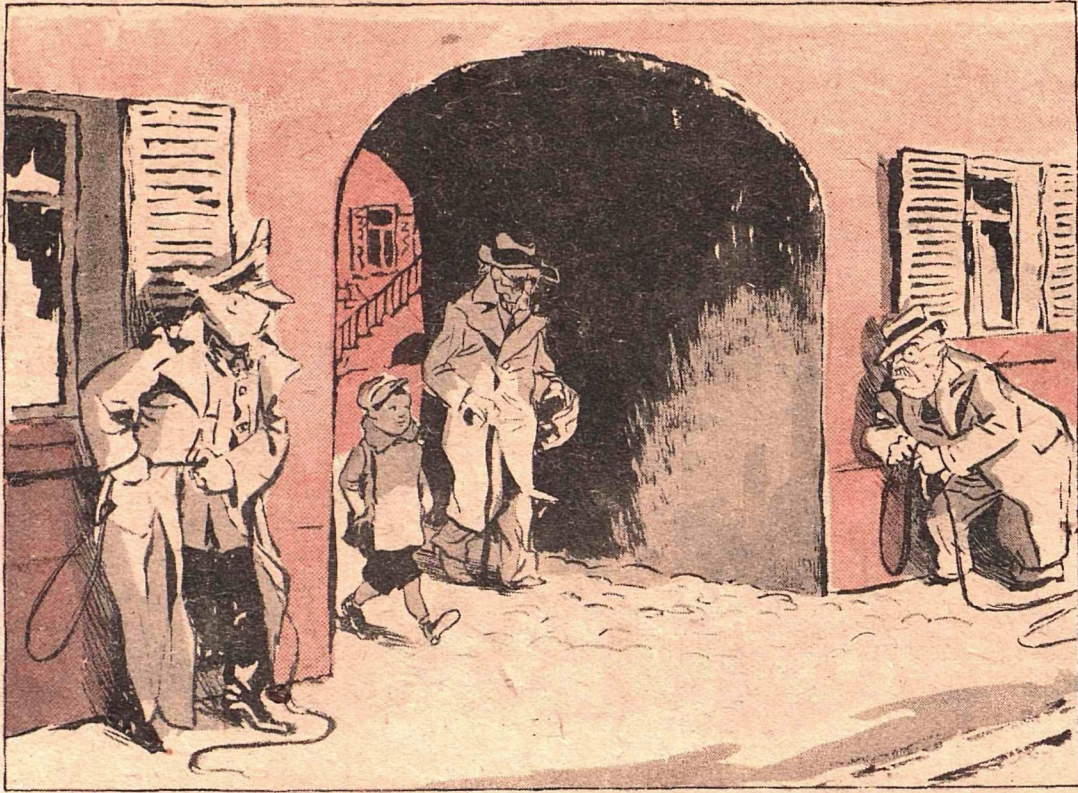
Чтоб успешней шли сражения,
Чтоб воздать врагам тройне,
Кто имеет сбережения,
Их спешит отдать стране.

Много денег посылаётся
На страны текущий счёт,
Танк за танком появляется
И дивизиям вручается,—
Словом, всё, как полагается,
Очень правильно идёт!

Наше дело — дело правое,
Потому мы и сильные,
И немеркнуло славою
Наши дни озарены.

Час возмездья приближается!
Лозунг наш таков: «Вперёд!»
Наступленье продолжится,
Ну, а это называется:
Всё идёт, как полагается,
Очень правильно идёт.

Вл. МАСС

«Тотальная» мобилизация в Германии.

«Все хорошо!»

(Новый монолог Гитлера)

В официальном сообщении немецкого командования говорится: «Русские войска одержали некоторые успехи, однако можно сказать, что русские ведут свои операции в плане, предусмотренном германским командованием».

Мы отступаем там и тут,
Но это всё не так уж скверно:
Нам выгодно, когда нас бьют
И в хвост и в гриву планомерно!

Упорно мы идём назад,
Наш фронт подвижен и активен:
Нас под Воронежем промят
По нашей инициативе!

Оставлен нами весь Кавказ,
Но в том не вижу я урона:
Чем дальше отгоняют нас,
Тем крепче наша оборона...

Расправил плечи Ленинград,
И с треском рухнула блокада.
Я очень рад, я очень рад,
По плану это так и надо.

Пусть немцы в панике бегут,
Пускай их лупят повсеместно,—
Солдатам я кричу:— Зер гут!
Вы удираете прелестно!

Нас бьют на Волге, на Дону,
Но я грустить о том не стану
И скоро сам пойду ко дну,
Как предусмотрено по плану!

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

Действующая армия.

У опорного пункта

ОЧНУЛСЯ Болотный. Горка осыпавшихся кирпичей ещё дымилась розовой пылью, рама окна косо висела на единственной уцелевшей петле, валялись трупы немецких солдат, и Вася Шаров, неизменный боевой спутник Васи, лежал неподалеку, уткнувшись лицом в заиндевелую, в густых, кровавых пятнах солому.

Иван Болотный сразу вспомнил всё, что произошло здесь: подкравшись вдвоём к неприятельскому опорному пункту, они забросали врага гранатами, потом ворвались внутрь кирпичного дома и переколоты штыками трёх ещё возившихся подле пулемётов солдат, потом лихо промчавшийся по улице танк хватил по дому снарядом...

Болотный кинулся к приятелю. И едва только убедился он, что Вася жив, что отделался Вася только царапиной на голове и просто лежит в беспамятыстве, как по ту сторону зияющих окон послышались знакомые голоса. Взвод разведчиков отдыхал после боя. Взвод разведчиков расположился возле самого дома, и старший сержант Загоруйко говорил своим бойцам:

— Конечно, со стороны сказать, я придрался и к Болотному и к Шарову. Вроде был я им недруг. Ну, только одно моё сердце знает!

Голос у него был непривычно мягок и взволнован:

— Я на них при жизни даже сердчал. А за что? Оставались они деревня деревней, и никак переделат их не было моей силы-возможности. Бывало, скажешь им, что надо разведать огневые точки неприятеля. Немец, скажешь им, опоясался системой дзотов по переднему краю и взаимодействует фланкирующим огнём. Они ничего не скажут, оправятся в дело, а потом докладывают: так, мол, и так... Нема, говорят, никаких точек, а также ничего такого, чтобы фланкирующего, не приметили, а только пулемёты у них там, действительно, глядят из поделанных дырочек и за клуней, и на колхозной конюшне, и на яру, из свиньячьей фермы... Это амбразуры они дыроч-

ками называли! А? Ну, никакого с ними настоящего военного разговора не получалось...

Вася Шаров со стоном приподнялся с соломы. Мутно озираясь, он спросил:

— Где мы?

— В избе-читальне. Тихо,— сказал ему Болотный,— немцев из села вышибли. Слышишь, наш сержант разговаривает.

— Дело прошлое,— торжественно возвысил голос старший сержант Загоруйко,— смертью храбрых пали наши товарищи Шаров и Болотный. Не задумываясь, отдали они свою жизнь, абы разрушить опорный пункт врага и открыть дорогу нашей наступающей пехоте... Хотя, конечно, по-ихнему — это обыкновенный деревенский дом.

— Никак, хоронят нас с тобой? — сказал Шаров, сжимая обеими руками голову с запекшейся в волосах кровью.

— Не без того... И речь уже старший сержант держит... Стой! Ты куда? — остановил Болотный приятеля, вдруг поднявшегося с земли и уже перешагнувшего труп здорового немца в ремнях, чтобы выглянуть в разрушенное окошко.— Сиди! Помешать можешь. А интересно.

Вася, поколебавшись, подсел к своему другу, и с этих пор оба бойца не проронили ни слова в продолжение всей заукокой речи своего командира.

— Хорошие были разведчики, ничего нельзя сказать... Честь и хвала им, а нам наука. Будем, товарищи, бить немца, как Шаров и Болотный. Будем бить его, проклятого, с сердцем... За всё будем бить, в том числе и за геройски погибших нынче наших товарищей...

Наступало утро. Догорали избы, подожжённые врагом. Тревожный свет пламени, мешаясь с ясными лучами солнца, отблеском красил руины избы-читальни и лизал лоб и щёки притаившихся бойцов. Всё глуше доносилась канонада танковых колонн, преследующих армию немецких разбойников. И старший сержант подразделения разведчиков, видимо, заканчивал свою речь, потому что паузы в этой речи возникали всё чаще и длились дольше.

— Пожалуй, без них мы и до сих ковырялись бы,— объяснял он.— Опорный пункт, шутка сказать, с налаженной круговой обороной!.. Конечно, взаимодействие пехоты, танков, кавалерии, артиллерии... Но и смекалка каждого отдельного бойца, то же самое, многое значит... Беззаветное геройство, а также инициатива...

Болотный забинтовал голову своему другу, постоянному спутнику всех своих опасных рейдов во вражеский стан. И тогда оба враз, не сговариваясь, направились к окошку и, улыбаясь, закивали ошеломлённым друзьям своим.

— Почтим память наших доблестных товарищей! — воскликнул сержант, стоявший спиной к разрушенному дому.— Шапки долой!

— Василь!.. Ванюха! — последовало в ответ на это несколько возбуждённых, ликующих голосов.

— Снять шапки! — повторил Загоруйко.

— Да они же тут... — возразили бойцы.

— Кто тут? Об чём разговор?

— Точно, товарищ старший сержант,— объяснил один из красноармейцев, лучше всех освоившийся с тем условным языком, который так ценил и любил их младший командир.— Павшие смертью храбрых присутствуют среди нас.

— Где? Которые?

— Да вот они, в окошко выглядят, товарищ старший сержант.

Тут только Загоруйко оглянулся, просиял, широко раскинув руки, крикнул: «Братцы!» — но в ту же минуту лицо его приняло строгое, начальственное выражение.

— Отдыхать! — коротко приказал он и кивком головы пригласил Болотного и Шарова присоединиться к остальным бойцам подразделения.— Через час ноль-ноль отправимся.

На горизонте, за снежным полем, в розовом свете зари клубился дым счастливого боя — сражение удалялось всё дальше на запад. Красная Армия безостановочно гнала врага со своей земли.

А. ЭРЛИХ

Метким ударом

(По столбцам военной печати)

СОН

— Почему ты такой мрачный, Эрко?
— Беда, дорогой Эгги! Мне снилось, что нас окружают русские.
— Чудак! Они это сделают, когда нам и не снится.

(«Боевой путь».)

ПЕРЕД НОЧНЫМ БОЕМ

ВИЛЛИ:—Что за адская страна! Когда же мы, наконец, кончим воевать?

ГАНС:—Скорее всего сегодня ночью.

(«Боевое знамя».)

НАСЛЕДСТВЕННАЯ БОЯЗНЬ

Ганс:—Я чистокровный немец. Мой прапрадед дрался с русскими на льду Чудского озера. Мой прадед участвовал в битве с русскими у Грюнвальда. Мой дед воевал против русских в Семилетнюю войну, а мой отец был на Украине в 1918 году.

Фриц:—Теперь мне понятно, почему ты так боишься русского штыка. Это, оказывается, у тебя наследственная боязнь.

(«Чкаловец».)

Объявления

**СДАЁТСЯ мне,
ЧТО ЖИВЁМ ИЗ РОССИИ
нам не уйти.**

Обер-ефрейтор Фриц

**ИЩУ выхода
из создавшегося положения.**

Командир окружённой немецкой дивизии генерал фон Печалиус

**МЕНЯЮ министров
со всеми удобствами.**

Муссолини

ПРОПАЛО ВСЁ!!!

Генерал фон Дребен

**УРОКИ ДАЁТ
немецким генералам
КРАСНАЯ АРМИЯ**

ПРОДАЁТСЯ
совершенно новый,
не бывший в употреблении
ФЕЛЬДМАРШАЛСКИЙ ЖЕЗЛ.

Фон Паулюс

НА БЕЛЬГИЙСКОМ ЗАВОДЕ

Рис. К. Елисева

— Что теперь изготавливают на вашем заводе?
— Трофеи для Красной Армии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 149

Подл. к печати 16/II 1943 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 83

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 475.

Тираж 135 000 экз.

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

25 ФЕВ 1943

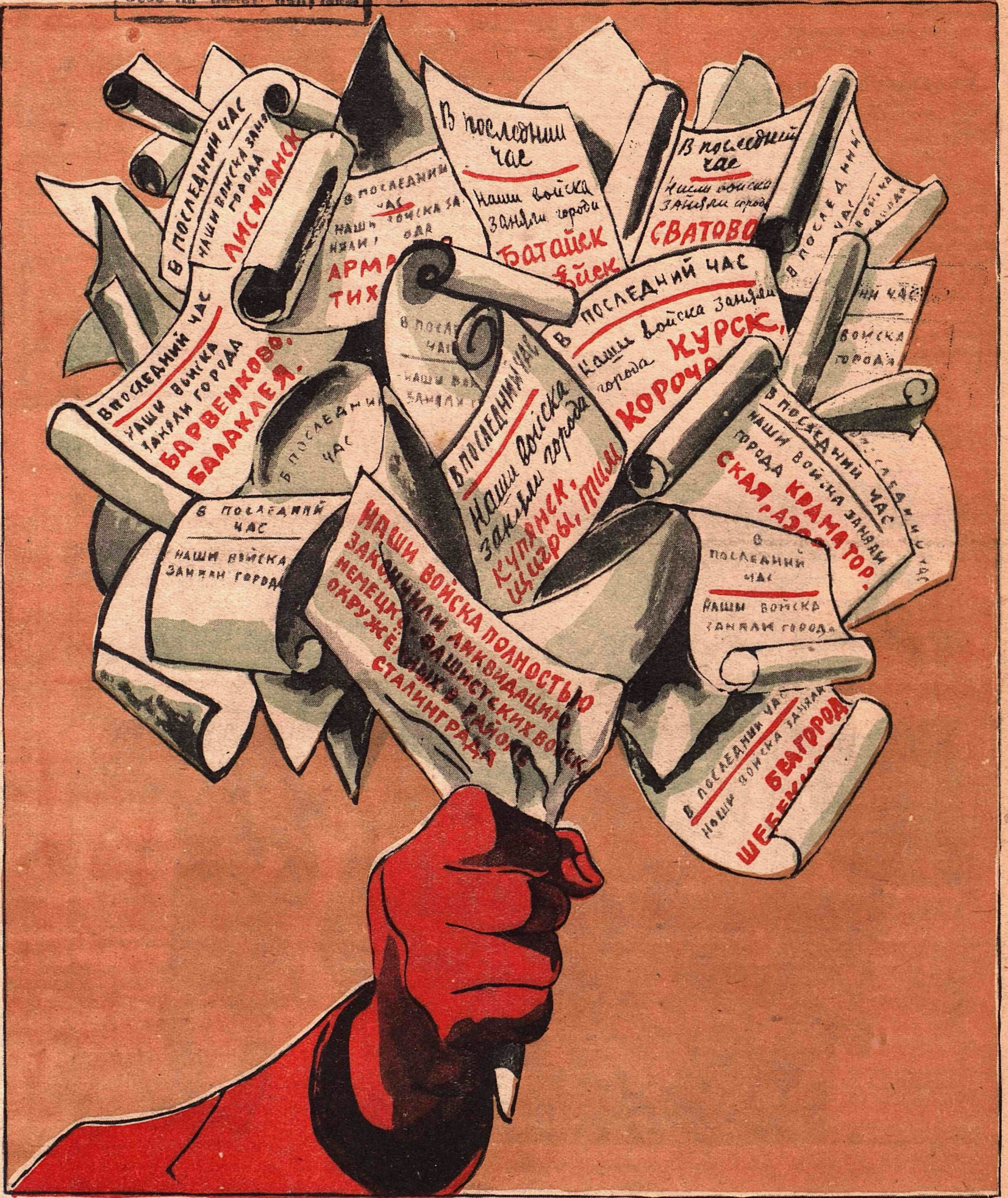
Получ.
в ред.

Слон
в ред. ХВ

441

Рис. Л. Бродаты

Всес. Кн. Палат. Получены

От дорогих именинников!